

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ / EURASIAN INTEGRATION

Научная статья / Research article

Ключевые проблемы евразийской интеграции в контексте современных международных трансформаций и политики России на Евразийском пространстве¹

Н. И. Харитонова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7980-6562>; e-mail: natahari@yandex.ru

А. В. Гущин

Институт постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ, Москва, Россия,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7980-6562>; e-mail: aguschin78@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблематика развития новых тенденций политики России на Евразийском пространстве в контексте усиливающегося противостояния России и Запада, а также переосмысления внешней политики России в сторону укрепления партнерства с незападными акторами. Авторы уделяют внимание основным вызовам, стоящим сегодня перед евразийскими интеграционными процессами, предлагая наиболее приемлемые, с их точки зрения, ответы на существующие вызовы глобального и регионального характера. Авторы определяют основные, с их точки зрения, направления развития евразийской интеграции, проблемы и пути их решения, стоя на позиции приоритетности евразийских интеграционных процессов для России. Статья основывается на материалах ситуационного анализа, состоявшегося в конце 2022 г. в Кыргызстане в рамках проекта «Точки роста». В ходе ситуационного анализа ведущие эксперты из России и стран СНГ высказали свои идеи и рекомендации относительно активизации евразийского вектора российской внешней политики, укрепления безопасности на Евразийском пространстве и роли России в этом процессе, развития гуманитарного сотрудничества, охарактеризовали основные проблемы, существующие на этих направлениях, и возможные пути их решения.

Ключевые слова: евразийское пространство, интеграция, ЕАЭС, Восток, безопасность

Для цитирования: Харитонова Н. И., Гущин А. В. Ключевые проблемы евразийской интеграции в контексте современных международных трансформаций и политики России на Евразийском пространстве // Постсоветские исследования. 2023;6(6):597-609.

Key Problems of Eurasian Integration in the Context of Modern International Transformations and Russia's Policy in the Eurasian Space

Natalia I. Kharitonova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7980-6562>; e-mail: natahari@yandex.ru

Alexander V. Gushchin

Institute of Eurasian and Interregional Studies of Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7980-6562>; e-mail: aguschin78@mail.ru

Abstract. The article examines the problems of the development of new trends in Russia's policy in the Eurasian space in the context of the growing confrontation between Russia and the West, as well as the rethinking of Russia's foreign policy towards strengthening partnership with non-Western actors. The authors pay attention to the main challenges facing the Eurasian integration processes

¹ Статья подготовлена на основе материалов ситуационного анализа проекта «Точки роста».

today, offering the most acceptable, from their point of view, answers to existing global and regional challenges. The author defines the main, from their point of view, directions of development of Eurasian integration, problems and ways to solve them, standing on the position of priority of Eurasian integration processes for Russia. The article is based on the materials of a situational analysis held at the end of 2022 in Kyrgyzstan within the framework of the "Points of Growth" project. During the situational analysis, leading experts from Russia and CIS countries expressed their ideas and recommendations regarding the activation of the Eurasian vector of Russian foreign policy, strengthening security in the Eurasian space and Russia's role in this process, the development of humanitarian cooperation, described the main problems existing in these areas and possible solutions.

Keywords: Eurasian space, integration, EAEU, East, security

For citation: Natalia I. Kharitonova, Alexander V. Gushin. Key problems of Eurasian integration in the context of modern international transformations and Russia's policy in the Eurasian space // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;6(6):597-609. (In Russ.).

В условиях переформатирования мирового порядка система международных отношений подвергается дополнительному напряжению. Становление многополюсного миропорядка сопровождается гибридной войной, ведущейся практически по всему миру. Глобальная гибридная война по сути является одной из форм борьбы, которую США и их союзники ведут против находящихся в фазе становления геоэкономических и геополитических центров силы, региональных держав, формирующих свои макрзоны политического, экономического и культурного влияния в рамках нарождающейся полицентричной системы международных отношений¹. Другими словами, США посредством использования гибридных конфликтов стремятся сохранить однополярный мир и свои позиции гегемона. Ожидаемо ключевым театром противостояния, включающего как политические и экономические, так и военные компоненты противостояния, стала Евразия. Конфигурация его представляет собой полумесяц, охватывающий с западного и южного флангов территорию России в полном соответствии со стратегией «перенапряжения сил России» (в терминах классиков военной стратегии - стратегия измора), описанной в одноименном докладе 2019 г. одного из «мозговых центров» Пентагона – RAND Corporation².

Проекты евразийской интеграции очевидно испытывают деструктивные воздействия, инициированные коллективным Западом, все их участники располагаются непосредственно в зоне противостояния. Таким образом, будущее евразийских интеграционных процессов во многом зависит от хода гибридной войны Запада против России, разворачивающейся в Евразии в целом, и от того, насколько Москве удастся сохранить дружественный характер отношений с государствами-участниками ЕАЭС, ШОС, ОДКБ, другими партнерами России на Востоке и Юге. И здесь ключевое значение имеет общность и совместимость интересов, их баланс, успех на пути поиска общей идеологической платформы (данность в период крайней идеологизации мировых политических процессов), а также способность обеспечить приемлемый уровень безопасности для каждого из членов евразийских интеграционных проектов и партнеров по формированию новых принципов и механизмов функционирования международной системы. В этом контексте важнейшим вопросом стало осознание Россией необходимости корректировать подходы к внешней политике в сторону большего приоритета развития отношений с Востоком и глобальным Югом.

Стратегия поворота на Восток в своём конкретном выражении ранее в основном

¹ Korybko A. Hybrid wars: The indirect adaptive approach to regime change. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. 2015. URL: <https://orientalreview.org/wp-content/uploads/2015/08/AK-Hybrid-Wars-updated.pdf>

² Extending Russia Competing from Advantageous Ground. 2019. // RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3063.html

фокусировалась на установлении крепких связей с Китаем, совместно с которым Россия приступила к решению проблем международного порядка. В остальном поворот на Восток оставался важным скорее на уровне экспертного анализа, активно обсуждался в прессе, постоянно находился в повестке различных конференций, но тем не менее, слабо реализовывался в практическом отношении, даже несмотря на то, что за прошедшие десятилетия Россия существенно расширила своё присутствие в различных азиатских и африканских международных форматах [Савченко, Зуенко 2020]. Однако, в целом, несмотря на багаж, накопленный в ходе работы в региональных организациях, а также позитивные результаты сотрудничества с ключевыми восточноазиатскими партнерами, Россия, по мнению многих авторитетных специалистов, пока не имеет исчерпывающих и адекватных вехам времени организационно-управленческих и идейно-политических основ для системной реализации поворота на Восток¹.

И все же, в Евразии и вокруг нее происходило формирование широкого интеграционного контура – всеобъемлющего Евразийского партнерства с участием Евразийского экономического союза, Китая, с его инициативой экономического пояса Шелкового пути, Индии Пакистана, Ирана. Важную роль в формировании нового сообщества стала играть обновленная ШОС. Возник вопрос о том, каков стратегический потенциал сопряжения основных интеграционных проектов в Евразии и способно ли дальнейшее развитие интеграционных процессов привести к более тесному политическому и социокультурному взаимодействию? [Пивовар 2022: 12]

Россия в силу своего исторического пути и географического положения обладает в известной степени своей общественно-политической традицией. Поэтому поворот

на Восток воспринимался, прежде всего, в политико-дипломатическом и экономическом, но не в цивилизационном контексте². Нужно учитывать рискованные факторы и на самом Востоке и Юге. В Восточной Азии имеет место феномен азиатского национализма. Имеются попытки оформления процессов регионализации не только открытого, но и “закрытого регионализма”³. Россия часто воспринималась в регионе как страна, ключевые интересы которой сосредоточены на Западе, то есть не в полной мере азиатской державы. Не говоря уже том, что как Китай, так и значительная часть стран коллективного не-Запада, тесно связаны с Западом экономически, финансово и социально, причем особую роль играют здесь связи на уровне элит. Большую роль играют и межстрановые, межэтнические и межрелигиозные противоречия.

Тем не менее, разразившийся на Украине кризис и углубляющееся отчуждение России от Запада только подчеркнули важность приоритетного внимания к незападным акторам. По-иному стала рассматриваться и важность трансформации векторов внешней политики с позиции развития дальневосточных регионов России и Сибири, которые в этой трансформации должны и будут играть ведущую роль.

Усиление альтернативных западным векторов российской внешней политики может рассматриваться не только через призму противостояния с Западом как реактивный ответ на санкционную политику и «культуру отмены» со стороны коллективного Запада, но и как важный элемент борьбы за новую конфигурацию мира, новый импульс для усиления интеграционных процессов и проектов в постсоветской Евразии, катализатор развития восточных регионов нашей страны, как в сфере логистики и транспортной

¹ Торкунов А.Стрельцов.Д. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски. //URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiyskaya-politika-povorota-na-vostok-problemy-i-riski/>

² Лихачева А. Макаров И. Национальная идентичность и будущее

России//<https://ru.valdaiclub.com/a/reports/natsionalnaya-identichnost/>

³ Торкунов А.Стрельцов.Д. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски. //URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiyskaya-politika-povorota-na-vostok-problemy-i-riski/>

инфраструктуры, так и в промышленности и социальной сфере.

Безусловно, подобные масштабные изменения должны повлечь и серьезные ментальные сдвиги, новые подходы к пониманию места России в мире на концептуальном уровне. Это, в свою очередь, сталкивается с известными трудностями в преодолении доминирующих в последние более чем 30 лет парадигм развития, которые в целом можно определить термином «вестернизация». Она затронула практически все стороны и тенденции жизни, от желания элит встроиться на более или менее приемлемых, если не равных условиях в финансовую и политическую структуру Запада, до бытовой вестернизации, касающейся различных социальных и возрастных слоев населения, особенно молодежи, которая шла в параллели с деиндустриализацией и доминированием полупериферийных капиталистических черт в России и особенно на постсоветском пространстве.

Соответствие западным критериям становилось камертоном качества и эффективности в функционировании политических и общественных институтов, стандартов отчетности, функционирования научной и образовательной сфер. Преодоление подобных тенденций - процесс, безусловно, долгий и сложный, альтернатива ему только одна и крайне негативная - десубъективизация России и новая попытка встроиться в глобальные структуры Запада, но уже на заведомо худших условиях, чем это было возможно даже в 1990-е годы. Вместе с тем новое прочтение внешней политики России напрямую связано и с трансформацией мышления в сторону суверенизации, что должно проявляться в том числе в сфере образования и воспитания, критериев личного успеха и общественного блага. Таким образом, новые внешнеполитические парадигмы напрямую связаны с формированием альтернативы, как

социальной, так и идеологической и позиционированием тех преимуществ, которые может предложить Россия для своих партнеров на международной арене. В этой связи можно согласиться с коллегами, критикующими неидеологические подходы к развитию России, отмечающими важность разрабатывать собственную идеологию. [Курьлев, Станис, Баранник, Закарян 2019: 152]. Своя идеологическая концепция России действительно жизненно необходима, как с точки зрения внутреннего развития, так и в контексте решения международных задач.

Именно от появления глобального политического, ценностного и социального предложения, в рамках которого были бы учтены взаимные интересы и России ее партнеров, решались бы проблемы, возникающие между странами, а также формировались бы контуры новой институциональной структуры международных отношений, и зависит во многом успех как российской внешней политики, так и процессов евразийской интеграции и международного сотрудничества.

Некоторые важные шаги в этом направлении уже предприняты. И хотя инерционность еще очень велика, но понимание, что новая геополитическая и геоэкономическая реальность безотносительно персональных или субъективных факторов надолго и всерьез присутствует, а трансформации последних лет все больше проявляются не только в общественно-политическом дискурсе, но и в основополагающих документах стратегического планирования, таких, к примеру, как Концепция внешней политики Российской Федерации (КВП)¹.

В частности, в ней обращает на себя внимание принципиально новый раздел, где формулируются стратегические установки внешней политики, объединяющие ее в интегральный кластер – «Национальные интересы РФ во внешнеполитической сфере,

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.)//URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>

стратегические цели и основные задачи внешней политики РФ». Кроме того, в новой Концепции предложена довольно кардинальная переоценка тенденций развития современного мира. Впервые акцент делается на борьбе с неокOLONIALИЗМом, что очевидно направлено на укрепление позиции России в странах Востока и Юга. Новшеством является употребление понятия «национальный интерес». Выделяется новый раздел, связанный с обеспечением национальных интересов РФ в таких пространствах как мировой океан, космическое и воздушное. Используются понятия «Исламский мир» и «Евразийский континент», которые выделены как отдельные региональные направления внешней политики России, что позволяет по-иному посмотреть на восприятие регионального пространства и работать на усиление роли интеграционных объединений на евразийском пространстве. Большое значение отводится развитию сотрудничества со странами Африки, Латинской Америки. При выстраивании взаимодействия с партнерами и союзниками Россия исходит из принципа отказа от создания разделительных линий по блоковому принципу. Россия стремится не допустить роста угроз национальной безопасности и суверенитету в результате агрессивной политики недружественных стран и получения ими односторонних экономических преимуществ¹. Однако наиболее концептуальным является, пожалуй, постулат о России как государстве-цивилизации и евро-тихоокеанской державе. Это помимо упоминания понятия «Русского мира как цивилизационной общности и русофобии, противодействие которой развивает отдельные приоритетные направления внешней политики, делает КВП поистине революционной относительно предыдущих [Коньков 2023: 56-58]

Безусловно, к примеру, украинский кризис оказал существенное влияние на

эволюцию внешней политики России, способствуя формированию новой внешнеполитической программы В. В. Путина, которую, некоторые известные эксперты определяют как «доктрину Путина 2.0». Ее основные постулаты нашли свое отражение в исторической «Крымской речи» в Георгиевском зале Кремля 18 марта 2014 г. [Курьлев, Станис, Баранник, Закарян 2019: 156]. Однако, пожалуй, впервые в КВП мы наблюдаем такие серьезные системные изменения практически по всему спектру внешнеполитической проблематики от самовосприятия до выстраивания сотрудничества с отдельными странами и регионами.

Вместе с тем, очевидно, что идея самодостаточности, содержащаяся в цивилизационном восприятии России не может быть узко понимаемой ввиду как огромного веса России в мире и заинтересованности дружественных стран в партнерстве с ней, так и в условиях наличия стран враждебных, желающих ее ослабления и десоверенизации – в этом контексте от контрдействий России, от их эффективности и интенсивности будут зависеть и положение ее на международной арене и во многом внутренняя стабильность. В любом случае самодостаточность может пониматься в данном случае как ментальная, как попытка вернуться к традиционным ценностям, отказ от социокультурного подражательства, укрепление веры в свои возможности. Но она должна сопровождаться еще большей активностью России, в первую очередь, в контексте интеграционных процессов на Евразийском пространстве, интенсификации сотрудничества со странами Азии, Африки, Латинской Америки по самому широкому спектру вопросов, политического, экономического и культурного характера.

Следовательно, для обеспечения союзничества с дружественными странами и минимизации угроз конкурентов необходимо не только позиционирование себя в качестве цивилизации, но и как можно

¹ Концепция внешней политики России 2023: стратегия многополярного мира// URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/kontseptsiya-vneshney-politiki-rossii-2023-strategiya-mnogopolyarnogo-mira/>

скорейшая разработка и внедрение во внешнеполитическую практику более четких алгоритмов и норм, с одной стороны, альтернативных навязываемых Западом правилам, а с другой привлекательных в политическом, экономическом, социальном, культурном аспектах для мирового большинства. Это же, в свою очередь, требует не просто косметических изменений, но и иных подходов к социальным процессам, финансово-экономической деятельности, технологическому развитию и гуманитарной политике как внутри России, так и за рубежом. Прежние доминирующие так называемые неолиберальные рецепты, в реальности маскирующие пассивность, здесь явно не смогут обеспечить решение подобных задач, не приведут к прорывным улучшениям, обеспечивающим необходимую стратегическую глубину изменений.

В то же время стоящие задачи требуют как можно скорейшего становления и развития более активных форм сотрудничества научного и экспертного сообщества и лиц и институтов, принимающих решения, с одной стороны, и откровенного экспертного и общественного диалога, с другой. Примером такого диалога и попытки выработать определенные рекомендации для возможных практических действий стал ситуационный анализ, проведенный в рамках международной экспертной сессии «Точки роста. Киргизия» в конце 2022 г. В нем принял участие целый ряд ведущих экспертов России и стран-членов ЕАЭС¹.

Характеризуя, сложившуюся международную обстановку, эксперты отметили, что при всем значении США, стремящихся сохранить свое доминирование, в том числе посредством ослабления влияния России, в нынешнем конфликте России с Западом важную роль играет и Великобритания, которая проявляет все большую активность на Украине, Закавказье, в Центральной Азии,

осуществляя активную работу по усилению контроля над местными политическими элитами. В качестве традиционного инструмента геополитического влияния в регионе Лондоном используется фактор Турции, осуществляющей активную гуманитарную экспансию.

При этом, если политические элиты Великобритании настроены в нынешнем конфликте по отношению к России максимально радикально, то в США мнения элит существенно расходятся. Противоречия существуют и по вопросу политики в отношении Китая. Эксперты высказали мнение о наличии конкурентных противоречий между США и Великобританией, стремящейся перехватить роль «лидера» наступательной политики Запада в Евразии. При этом на Украине в целом НАТО де-факто не только является стороной конфликта, но и рассматривает ее как плацдарм для дальнейшего наступления на Беларусь, Россию и далее вглубь евразийского пространства.

Интересы Европейского Союза сегодня сводятся к стремлению получить стратегическую субъектность, главными модераторами здесь выступают Германия и Франция. При этом существенную роль в недопущении восстановления общеевропейской субъектности играет Польша как инструмент англо-саксонской политики и как амбициозный региональный игрок. По мнению участников ситуационного анализа, Украина должна рассматриваться в этом раскладе сил не только как фактор, определяющий ряд параметров конфликта, но и сторона конфликта, чья субъектность обусловлена именно определяющей ролью в планах по дальнейшей «украинизации» Евразии.

Несмотря на существующие внутри Запада противоречия, страны, составляющие костяк блока НАТО, сплотились и выступают единым фронтом против России и ее немногочисленных союзников. Особое внимание элитами США и Великобритании

¹ Точки роста: Восточный вектор евразийской интеграции// URL: <https://russkie.org/library/tochki-rosta-vostochnyy-vektor-evraziyskoy-integratsii-doklad-po-itogam-situatsionnogo-analiza/>

уделяется цели лишения России союзников и партнеров.

Эксперты характеризуют Китай с точки зрения его влияния на ход евразийской интеграции как одновременно тактического союзника, наблюдателя и конкурента. Последнее проявляется, прежде всего, в имеющихся противоречиях интересов Китая и России в Центральной Азии, Беларуси и Восточной Европе.

В конфигурации нового противостояния «коллективных Запада и Востока» интересы Китая и ЕАЭС, прежде всего России, объективно сближаются, что выражается в интенсификации экономического, политического и военно-технического сотрудничества. Но руководство Китая воздерживается от прямой и явной поддержки России в конфликте на Украине. Интересы Китая по увеличению своего экономического и геополитического влияния, военного присутствия могут входить в противоречия как с интересами России в Центральной Азии, так и с национальными интересами государств этого региона.

Анкара, продвигая свой региональный проект, стремится выступить для государств Центральной Азии и Закавказья альтернативным Москве центром интеграции. Турция получает выгоду от позиции «миротворца» в рамках конфликта России и Запада на Украине, одновременно поддерживая отношения как с Россией, так и с Украиной и западными центрами принятия решений. Турция становится евразийскими газовым и торговым «хабом», который позволяет избежать России санкционных ограничений, но одновременно Турция усиливает свое значение и вес для тюркских стран: Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана. В рамках этого процесса Турция продвигает пантюркские, туркоцентричные интеграционные проекты.

Роль тактического союзника также отводится Ирану, который стремится через сотрудничество с Россией и ЕАЭС решить вопросы преодоления санкций и поставок оружия. Наблюдается активизация участия Ирана в региональных организациях. Отмечено усиление влияния Тегерана на

Армению и Азербайджан, в том числе посредством религиозного шиитского фактора.

Военно-техническое сотрудничество Ирана и России, фактическая поддержка Ираном России в конфликте на Украине обусловлены стремлением руководства Ирана выйти из международной изоляции, получить от России образцы современного оружия и связанные с этим технологии.

Индия через сотрудничество с ЕАЭС заинтересована, с точки зрения экспертов, в создании альтернативных транспортных коридоров, развитии медицины, IT-сферы и др. При этом эксперты указывают на необходимость учета индийско-китайских противоречий. Наблюдается рост индийской активности в Центральной Азии. Запад, в свою очередь, стремится сделать Индию участником своих антикитайских коалиций, мотивируя это наличием серьезных индийско-китайских противоречий, поддержкой Китаем Пакистана и т.д. Но пока Индии удастся удерживать баланс отношения и внеблоковый статус.

Помимо характеристики международной обстановки, эксперты уделили внимание молодежной политике. Отмечено, что молодежь Евразии хочет, прежде всего, реализации собственного потенциала, воплощения своих жизненных планов, у нее существует запрос на самовыражение. Для этого нужны ресурсы и работающие социальные лифты: образование, позволяющее раскрыть потенциал, а после получения образования – работа и достойная оплата труда.

В качестве практических шагов, направленных на раскрытие потенциала евразийской молодежи как субъекта созидательного творчества, был рассмотрен комплекс мер, направленных на создание системы социальных лифтов, повышение эффективности работы образовательной сферы, проектной деятельности и др. Эксперты констатировали, что в сфере образования и науки Россия заинтересована в продвижении своих образовательных стандартов на евразийском пространстве, развитию уже существующих и организации новых институтов взаимодействия в сфере образования и науки, расширении квот для

студентов из стран Евразии на обучение в России, интенсификации молодежного сотрудничества посредством организации мероприятий с конкретным практическим результатом для их участников, развитии грантовых систем поддержки молодых ученых, создании научных коллективов из разных стран для разработки научных проблем, как в рамках естественных, так и гуманитарных наук. В перспективе, по мнению экспертов для ЕАЭС актуальным является вопрос о формировании общего рынка образовательных услуг.

Характерно, что эксперты, прежде чем перейти к обсуждению непосредственно вопросов евразийской интеграции практически сошлись во мнении, что «поворот России на Восток» является во многом исторической неизбежностью, но в то же время отметили запоздание с ним, а также факт неготовности России к такому повороту и прежде всего, ментальной. И это в то время, как от него зависит очень многое в противостоянии с коллективным Западом. В частности, А. Дзермант отметил, что возможный исход борьбы носит экзистенциальный характер¹.

Некоторые эксперты, в частности М. Крамаренко, отмечали, что помимо вынужденного характера поворота на Восток нельзя игнорировать и рисковый характер некоторых процессов в самой Азии, в частности рост национализмов, пантюркизм, угрозы религиозного экстремизма. Так, отмечалось, что «страны Центральной Азии воспринимают Россию как тактического союзника и вопрос формирования единой макрорегиональной идентичности здесь не стоит, у элит стран нет желания формировать такую евразийскую идентичность».²

Успех экономической составляющей евразийской интеграции напрямую, по мнению экспертов, связан с трансформацией собственных подходов, отходом от нелиберальных моделей и восприятия ЕАЭС как союза, настроенного сугубо на включение в мировые цепочки добавленной

стоимости с упором на торговлю сырьем на внешнем рынке и транзит. Напротив, главной составляющей успеха является, прежде всего, развитие производственной кооперации, технологической евразийской субъектности, создание евразийского продукта в разных сферах производства, усиления промышленного потенциала центральноазиатских стран, докапитализация финансовых институтов евразийской интеграции, формирование евразийского бизнес-сообщества, введение общей системы цифрового управления и цифровой валюты.

В докладе отмечается, что Россия заинтересована, прежде всего, в недопущении усиления деструктивного влияния в Евразии третьих акторов как глобального, так и регионального характера, угрожающих ее национальным интересам. Большое значение для России имеет сохранение и укрепление статуса гаранта безопасности на Евразийском пространстве, минимизация возможности конфликтов между акторами на этом пространстве, прежде всего участников ОДКБ и ЕАЭС (например – Таджикистана и Кыргызстана), а также сохранение статуса миротворца в процессе урегулирования ряда конфликтов (Приднестровье, Нагорный Карабах). Россия заинтересована в недопущении рисков активного проникновения на территорию Евразии геополитических конкурентов. Усилившееся здесь после роспуска СССР влияние США, Британии и их союзников в военно-политической, экономической и гуманитарной сферах воспринимается как угроза. Так, эксперты подчеркивают, что интенсивное влияние на Центральную Азию и Южный Кавказ Турции и других мусульманских стран способствует, в том числе, постепенному формированию единой макрорегиональной идентичности, некомплементарной России.

Для Москвы важным остается развитие структур коллективной безопасности, таких как ОДКБ, укрепление институциональной

¹ Точки роста: Восточный вектор евразийской интеграции// URL: <https://russkie.org/library/tochki-rosta-vostochnyy-vektor-evraziyskoy-integratsii-doklad-po-itogam-situatsionnogo-analiza/>

² Точки роста: Восточный вектор евразийской интеграции// URL: <https://russkie.org/library/tochki-rosta-vostochnyy-vektor-evraziyskoy-integratsii-doklad-po-itogam-situatsionnogo-analiza/>

дисциплины в рамках таких структур и развитие сил кризисного реагирования. Не меньшее значение имеют расширение военного присутствия России на Евразийском пространстве в формате военных баз, обучения военных специалистов из стран Евразии, поставок российского вооружения, военно-технического сотрудничества. Непосредственное военное присутствие России (Беларусь, Таджикистан, Кыргызстан, Армения) позволяет обеспечивать безопасность России и ее союзников на дальних подступах, противостоять попыткам конкурентов взять эти государства под свой контроль или атаковать прокси-силами с территории Афганистана или Украины. Вместе с тем, усиление военно-политической составляющей интеграции неизбежно ставит вопрос об усилении внутри интеграционных образований блоковой дисциплины и координации действий в сфере обороны и во внешней политике.

В интересы России, по мнению экспертов проекта, входит и сопряжение ЕАЭС с другими региональными организациями. Так, ЕАЭС имеет существенный потенциал взаимодействия как с другими интеграционными структурами с участием бывших республик СССР (СНГ, ОДКБ, Союзное государство), так и международными организациями, объединяющими страны «Большой Евразии» (ШОС), другими важными региональными организациями (МЕРКОСУР, АСЕАН, Африканский Союз и др.).

В свою очередь другие государства-участники ЕАЭС располагают собственными интересами в сфере безопасности. И их сопряжение также можно определить как проблему в реализации интеграционных инициатив в Евразии.

Так, избранная Беларусью геополитическая ориентация и политэкономическая модель неизбежно приводят к конфронтации с коллективным Западом, что требует особого внимания к вопросам национальной безопасности и значительных вложений в эту сферу. Обеспечение безопасности только собственными силами невозможно в силу

разницы потенциалов, что обуславливает тесный военно-политический союз Беларуси с Россией, в рамках которого Минск получает как новейшее оружие, так и особое место в рамках стратегии России на западном фланге для обеспечения ее безопасности, действий в ходе СВО и т.д. В настоящее время в рамках ОДКБ Беларусь имеет возможность проводить учения в разных форматах для повышения обороноспособности страны и действия в самых разных условиях. Кроме того, актуальным интересом Минска является выход из изоляции. Так, активное участие в различных форматах евразийской интеграции представляется естественной альтернативой санкционной, транспортной блокаде и политике изоляции со стороны Запада. Развитие новой логистики, новых маршрутов для поставок белорусской продукции, минуя Запад, на Востоке и Юге является приоритетом для Минска в сложившихся геополитических реалиях. Однако, как отмечают эксперты, препятствием этому становится инерция белорусской многовекторности - убеждение или заблуждение части белорусских элит относительно того, что у Беларуси могут быть равнозначные отношения со всеми геополитическими и геоэкономическими субъектами: Россией, Западом, Китаем и т.д.

События января 2022 г. произвели на новое политическое руководство Казахстана в известной мере отрезвляющий эффект. Некогда «остров стабильности» в Центральной Азии начал испытывать деструктивное влияние процессов, происходящих в соседних центральноазиатских странах, а также в рамках застарелой афганско-пакистанской проблемы. Политические противоречия внутри Казахстана спровоцировали в 2022 г. кризис с участием внешних игроков, необходимость краткосрочного ввода контингента ОДКБ, стала очевидна потребность в более системном и эффективном обеспечении национальной и региональной безопасности (в коллективном формате). Однако объективная потребность Казахстана в эффективной региональной системе безопасности (при наличии ОДКБ и апробации механизмов реализации целей

структуры в ходе январских событий 2022 г.) сталкивается с обеспокоенностью части казахстанского политического класса относительно возможной, по ее мнению, российской экспансии (прежде всего Северный Казахстан). С началом СВО в обществе и экспертном сообществе активизировались противники политики России и участия в общих с ней интеграционных проектах. При этом сотрудничество с Россией, ЕАЭС в экономической сфере и сфере безопасности выступает как противовес усилению влияния Китая. Опасения перед демографической и экономической мощью Китая может перевешивать опасения в отношении России. Кроме того, испытывая угрозы безопасности, Астана желает модернизировать национальную армию. Ключевым фактором становится фактор совместимости с евразийскими союзниками. Поэтому проблему доступа к ВПК коррелируется с проблемой создания эффективной региональной системы коллективной безопасности.

Суверенитет Кыргызстана в последние годы демонстрирует тенденцию к укреплению. Действия политического руководства в настоящее время направлены на укрепление национальной безопасности, обороноспособности, социально-экономического благополучия, формулирования и продвижения национальной идеи. Кыргызстан испытывает потребность в ограничении влияния Китая и Турции. В силу географических, исторических, политических и экономических особенностей Кыргызстан, да и вся Центральная Азия, оказывается подвержен внешнему влиянию. Регион стал полем возрастающей конкуренции Турции и Китая, экономическая и культурная экспансия которых несет угрозы Кыргызстану. На этом фоне сегодня меняется и роль России в обеспечении национальных интересов Кыргызстана. Сотрудничество стран на просторах Евразии становится гарантом экономической и политической устойчивости государства.

Важнейшим вопросом для современной Армении также является обеспечение

безопасности и суверенитета. Именно вопросами безопасности и карабахским конфликтом в своё время объяснило политическое руководство Армении решение вступить в ЕАЭС. Учитывая, что Анкара является союзником Баку и две страны проводят скоординированную внешнюю политику, в Армении традиционно считают Турцию и Азербайджан главной угрозой. Это, наряду с традиционно тесными историческими связями, вынуждало власти Армении, тесно сотрудничать с Россией в сфере безопасности. Тем не менее, в силу разных причин Армения с момента обретения независимости пыталась проводить многовекторную политику, при этом не ставя под сомнение союзные отношения с Россией (по крайней мере до 2018 г.). что, в частности, проявилось в так называемой политике комплиментаризма. Это было в том числе обусловлено карабахским конфликтом, и необходимостью сохранять хорошие отношения с важными глобальными и региональными игроками несмотря на конфликты между ними (Россия-Запад, Россия-Грузия, Иран-Запад и т.д.), важной ролью Евросоюза и США в торгово-экономической жизни страны (ЕС является вторым торговым партнером Армении после России), а также наличием крупных армянских общин в разных странах. При этом конфликт между Россией и Западом существенно ограничивают возможности Еревана продолжать вести традиционную многовекторную политику. В то же время неурегулированный карабахский конфликт сохраняет вопрос безопасности самым важным и актуальным для страны. Эксперты обращают внимание на то, что отсутствие «жесткой реакции» союзников Еревана по ОДКБ на действия Азербайджана, является катализатором обсуждения в армянском обществе целесообразности членства в ОДКБ и в целом военно-политического союза с Россией. В случае продолжения нынешних негативных тенденций на повестке может стать вопрос целесообразности членства Армении не только в ОДКБ, но в ЕАЭС. В обществе и экспертном сообществе активно

обсуждается вопрос пересмотра геополитической ориентации страны. В качестве альтернативы России предлагается США или в значительно меньшей степени Иран, хотя реалисты совершенно верно отмечают, что ни один иной актор, кроме России, не способен обеспечить безопасность Армении. Одновременно с этим в обществе активно продвигается тема необходимости сотрудничества с Турцией, даже несмотря на угрозы Армении со стороны тандема Анкара-Баку и память о геноциде армян. В Армении «путь на Запад» идет в параллели с «путем к Турции», целью чего является сокращение влияния России в регионе.

Итак, сопряжение обозначенных выше интересов государств-участниц ЕАЭС представляет собой очевидную проблему. И это при том, что для реализации собственных интересов России необходимо преодолеть еще ряд проблем, наличием которых характеризуются процессы развития ЕАЭС и собственно реализация российских интересов в Евразии.

В числе ключевых проблем, мешающих реализовывать российские национальные интересы, эксперты указывают на недостаточную готовность российских элит понять и принять новые вызовы, что зачастую приводит к реактивному характеру внешней политики страны. Это проявляется, как уже отмечалось выше, в трудностях с превращением евразийского вектора в базовый для внешней политики даже в условиях разрыва отношений с коллективным Западом, что базируется на глубоко укоренившемся в сознании части российских элит западоцентризме, представлении о наличии так называемого «цивилизованного мира» и необходимости быть его частью. Здесь важно отметить, что прозападно ориентированное лобби в элитах стран ЕАЭС также выступает в качестве серьезной проблемы на пути интеграции. Прозападно ориентированное лобби в странах ЕАЭС постоянно и зачастую весьма эффективно пугает обывателя «утратой суверенитета» и тому подобными вещами.

Эксперты из стран ЕАЭС указывают на недостаточное внимание к позиции партнеров по интеграции (в экспертном поле

ЕАЭС можно найти немало как косвенных, так и прямых «претензий» к России по вопросу внимания к позиции партнеров по интеграции). В этом же ряду стоит и проблема наличия исторических обид соседей на Россию. Становление национальных государств после распада СССР в значительной степени формировалась на основе идеологических установок и исторической политики отторжения от России, на культивировании исторических фобий, связанных с негативной интерпретацией общей с Россией истории. На фоне проблем с эффективностью гуманитарной политики России и активности «мягкой силы» конкурентов, новые «национальные идеи» стран Центральной Азии и Южного Кавказа, содержат нарративы, представляющие евразийской молодежи, Российскую империю и СССР зачастую предстают как эксплуатирующие покоренные народы.

Тревогу вызывает активность конкурентов в регионе – здесь эксперты указывают на потерянное Россией время. Россия в целом ряде сегментов уступает в плане продвижения своей гуманитарной и культурной политики конкурентам. В течение 30 лет коллективный Запад, Турция, Китай, другие акторы каждый по-своему достигали успехов в расширении своего присутствия на евразийском пространстве, как экономического и политического, так и гуманитарного. Используя образы красивой жизни и свободы, порядка, этнической и культурной близости конкуренты достигли значительных успехов в продвижении своего влияния. Сегодня, элиты во многих странах Евразийского пространства ориентированы больше в своей политике, повседневной жизни, восприятии перспектив своих детей скорее на эти страны. Кроме того, страдает и диаспоральная политика России в странах ЕАЭС. Государство пока недостаточно использует инструменты влияния русской диаспоры, соотечественников, русскоязычных граждан, ощущающих единство с исторической Россией, на внутривнутриполитическую и внутриэкономическую ситуацию в странах Евразии, лоббирование союзных интересов.

В рамках интеграционного проекта пока отсутствуют единые системные механизмы карьерного и образовательного роста, недостаточен объем программ студенческого и академического обмена, научных и творческих стипендий и стажировок. И в целом, в России недостаточно внимания уделяется вопросам образовательного и научного сотрудничества со странами евразийского пространства. Открытие филиалов вузов и школ при наличии, безусловно, целого ряда позитивных примеров, порой носит формальный характер, когда в теории существуют привлекательные проекты, а на уровне практической реализации идеи не доходят до стадии практической реализации.

Одной из ключевых проблем остается отсутствие единой, взаимной информационной политики. В ЕАЭС, ОДКБ, СНГ и Союзном государстве нет единой и согласованной системы информационной и пропагандистской работы. Существующие примеры – «Спутник», ТРК «Мир» – воспринимаются либо как сугубо российские СМИ, либо не продвигающими общую союзную повестку. Идея союзного евразийского СМИ до сих пор остается нереализованной. При этом тенденции западоцентризма или ориентации на Турцию, характерны вовсе не только для высшего слоя элит, но и для значительной части медийного сообщества, экспертов, политологов, историков, специалистов в области международных отношений и студенчества стран евразийского пространства.

Наконец, проблема качественной экспертизы, или обеспечения экспертного

сопровождения госзаказа. При мониторинге процесса реализации грантовых программ и проектов, государственного заказа за рубежом российскими университетскими центрами, компаниями и другими организациями, часто приходится наблюдать непонимание исполнителями политических особенностей и культурных традиций стран и народов Евразии. Это приводит к ошибкам в проводимой работе и снижает ее эффективность. Пути решения данной проблемы лежат очевидно и в активизации подготовки специалистов-страноведов, повышении престижа востоковедения и африканистики, более активного развития именно этих направлений в вузах, развитии экспертизы и усиления обратной связи между наукой и экспертным сообществом и институтами и лицами, принимающими решения.

Итак, указанные выше проблемы являются серьезными, но преодолимыми препятствиями на пути евразийской интеграции. Базовыми при этом видятся именно вопросы сопряжения интересов участников в крайне сложных геополитических условиях. Это позволит совместными усилиями преодолеть все сложности и совместно работать над созданием Большого Евразийского партнерства как комплексного геополитического (см. ст. 39 Концепции внешней политики РФ¹), и более того социального макрорегионального и шире мирового проекта, ориентированного не только на удовлетворение интересов всех его участников, но и формирование на его основе полюса притяжения в новом полицентричном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Коньков А.Е. Правила для игры без правил // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 3. С. 54–67.
- Курьлев К.П., Станис Д.В., Баранник М.А., Закарян С.Б. Евразийская идеология во внешней политике современной России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 151-165
- Пивовар Е.И. Пространство Большой Евразии XXI века. Интеграционные процессы: институты, направления, вызовы. Спб, 2022 -468 с.

¹ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». 31 марта 2023 г. № 229

[Электронный ресурс] // Президент России. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811>

Савченко А.Е., Зуенко И.Ю. Движущие силы российского поворота на Восток // Сравнительная политика. – 2020. – № 1. – С. 111-125.

Korybko A. Hybrid wars: The indirect adaptive approach to regime change. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. 2015.

REFERENCES

Kon'kov A.E. Pravila dlya igry bez pravil // Rossiya v global'noj politike. 2023. Т. 21. № 3. S. 54–67.

Kurylev K.P., Stanis D.V., Barannik M. A., Zakaryan S.B. Evrazijskaya ideologiya vo vneshnej politike sovremennoj Rossii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istorija i politicheskie nauki. 2019. № 4. С. 151-165

Pivovarov E.I. Prostranstvo Bol'shoj Evrazii XXI veka. Integracionnyye processy: instituty, napravleniya, vyzovy. Spb, 2022 -468 s.

Savchenko A.E., Zuenko I.YU. Dvizhushchie sily rossijskogo povorota na Vostok // Sravnitel'naya politika. – 2020. – № 1. – С. 111-125.

Korybko A. Hybrid wars: The indirect adaptive approach to regime change. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. 2015.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Наталья И. Харитоновна, д.п.н, доцент, главный научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия. E-mail: natahari@yandex.ru

Александр В. Гушин, к.и.н., доцент кафедры стран постсоветского зарубежья Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ, Москва, Россия, E-mail: aguschin78@mail.ru

Natalia I. Kharitonova, DSc (Political Sciences), Associate Professor, Chief Researcher, Russian State University for the Humanities. Russia, E-mail: natahari@yandex.ru

Alexander V. Gushchin, PhD in History, Associate Professor of the Department of postsoviet Countries abroad Institute of Eurasian and Interregional Studies of Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia. E-mail: aguschin78@mail.ru